

Министерство культуры Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»

Некоторые подробности быта патриарха Никона в Ферапонтовом монастыре (1666 - 1676)

М.С. Серебрякова

Как это не кажется странным в начале XXI в., но до выхода в свет книги И.И. Бриллиантова¹ Ферапонтов монастырь привлекал именитых знатоков и любителей русского искусства и истории только как место заточения патриарха Никона². Да и Бриллиантов, помещая имя Никона в название своей книги, видимо, старался через него привлечь внимание к замечательному собранию архитектурных и художественных памятников Ферапонтова монастыря, им открываемому для русской общественности.

Никон появился в Ферапонтовом монастыре 21 декабря 1666 г. на рассвете⁴. Его сопровождали пристав Аггей Шепелев с 50 стрельцами, охранявшими Никона по дороге от возможной опасности⁵, архимандрит нижегородского Печерского монастыря Иосиф, обязанностью которого был надзор за Никоном в месте ссылки⁶, и верные Никону старцы: иеромонахи Воскресенского монастыря Памва и Палладий, иеродиакон Иоасаф и Маркел, старец Флавиан, два бельца - клинского уезда Воскресенского монастыря села Завидова дьячек Гераско Матвеев и Костромского уезда домового патриаршего села Вятского Ипатко Михайлов⁷. Всего 7 человек, пожелавших разделить с Никоном тяготы заточения.

Но их стали делить с Никоном с первых часов его пребывания в Ферапонтовом монастыре и монахи монастыря, его служебники и крестьяне. Начинаются бесконечные посылки монастырских людей с донесениями о Никоне в Москву. Как только в соборной церкви Рождества Богородицы Никон по приказу вселенских патриархов безропотно отдал архиерейскую мантию и посох, их тут же посылают «к Москве, того ж Ферапонтова монастыря с чернецом, священником Варламом, да с служкою с Ивашкою Кривокубовым»⁸.

Перед монастырскими властями - игуменом Афанасием, келарем Макарием Злобиным, встает вопрос, где разместить это внезапно нахлынувшее огромное количество людей. Дело в том, что в 1666 г., незадолго до приезда Никона⁹, монастырь «погорел без остатку, и келейным покоем истеснение великое» было¹⁰.

Ферапонтов монастырь в эти годы, не без влияния жизни здесь бывшего патриарха, был очень бедным - после пожара еще и через десять лет здесь не было ремонтных работ, и монастырь все еще стоял без ограды. В августе 1676 г. новый строитель монастыря Исайя жаловался в челобитной: «А в Ферапонтове, государь, монастыре на церквах и на каменных полатах, на казенной и сушеной и поваренной, кровли все сгнили. И после, государь, пожару, как Ферапонтов монастырь выгорел, в прошлом во 175 (1666-1667) году на монастыре кельи и около монастыря ограда и се число не построена. А что, государь, от пожару на монастыре келей и за монастырем служб монастырских и мелниц осталось, и то, государь, всё обвалилось и сгнило»¹¹. В самом монастыре в то время жило 42 монаха, 54 человека служек, дворовых, мастеровых¹².

Но кроме размещения всех прибывших надо было еще и кормить. Игумен Афанасий спешно, чуть ли не в день приезда Никона (до 27 декабря), пишет письмо царю Алексею Михайловичу: «... а указу нам богомольцам твоим, твоего великого государя нет, какова ему пища давать. А монастырь у нас бедной и скудной и погорел без остатку и келейным покоем истеснение великое. И хлебу, государь, у нас недорода: вызяб весь. А крестьян, государь, твоего государева жалованья, за Ферапонтовым монастырем триста дватцать один двор, и то в городех¹³. И о том, государь, о келейных покоях и о пище что ти, великий государь, укажешь?»¹⁴

Но собор вселенских патриархов, отправляя в путь Никона, итак вынес решение: «... а монастырским ему, Никону, владеть нечем не велеть. А пищу и всякой келейной покой давати ему, монаху Никону, по ево потребе»¹⁵.

Ничего более подходящего, чем больничные братские кельи, для узника и его 7 человек окружения не нашлось - «смердныя и закоптелыя, еже и изрещи неудобно»¹⁶ эти кельи находились за монастырем с северо-восточной стороны¹⁷.

По описи 1665 г. до пожара в монастыре, кроме каменных собора, ц. Благовещения с трапезной, переходов между ними, ц. прп. Мартиниана, святых ворот с надвратными церквями, казенной палаты, имелись еще каменные «гостевая полата, поварня, три погреба с сушилами, да деревяного строения четырнатцать келей с теплыми сенми и засенцами и со всем строением»¹⁸. Только в 1680 г. в монастыре появляются новые кельи¹⁹.

9 января 1667 г. на смену приставу Аггею Шепелеву приехал новый - дворянин Степан Лаврентьев Наумов с 20 стрельцами и стрелецким сотником Тихоном Лабутиным. 18 марта сменяют и архимандрита Иосифа, ему на смену приезжает отставной новоспасский архимандрит Иосиф, живший на покое в Троице-Сергиевой лавре, с тем же наказом в отношении Никона: «... быть ему в том монастыре с монахом Никоном, что был московский патриарх, по указу, и беречь, чтобы он, монах Никон, писем никаких не писал, или куды не посылал. Да и того беречь накрепко, чтоб ему, Никону, никакова оскорбления никто не чинил. А монастырским ему, Никону, владеть ничем не велеть. И пищу и всякой келейной покой давати ему, монаху Никону, по ево потребе»²⁰.

Со Степаном Наумовым у Никона были сложные отношения - они зависели от отношения к ссыльному патриарху в Москве. Царь Алексей Михайлович никак не мог добиться от Никона благословения и прощения за участие в его низложении. В очередной раз, уже через Наумова, Никон отвечает отказом - положение его вследствие этого ухудшается. На втором месяце его пребывания в Ферапонтове, по словам Никона, Наумов «приложил зло ко злу, свет келейный у меня отнял, окна заковал железными крестами (решеткой), так что и днем приходилось с лучиной отправлять келейное правило; и из кельи не велел никуда ни ходить, и в келью и близ кельи проходить и подавать никому не велел, и так морил меня с моими келейными старцами»²¹.

Келейникам Никона действительно приходилось нелегко: их держали под строгим караулом и не давали свободного выхода из кельи²². Мало того, Наумов велел отвести подальше от монастыря большую дорогу на Каргополь, чтобы никто из посторонних не мог проходить мимо окон Никона²³. Старцы этого выдержать не смогли и подали две челобитные царю - просили их освободить от добровольного заключения и возвратить на прежнее место жительства. Царь разрешил, и 5 апреля иеромонах Палладий, иеродиакон Иоасаф и два бельца, Герасим Матвеев и Ипат Михайлов, выехали из Ферапонтова монастыря, а через пять дней, 10 апреля, уже были на допросе у патриарха Иоасафа, где подробно рассказали о жизни Никона в ссылке²⁴. Теперь с Никоном в Ферапонтове осталось 3 человека - Памва, Маркел и Флавиан. Из-за этого ему самому пришлось носить дрова и воду²⁵.

Рассказы о тяжести заключения Никона действовали на государя. В июле 1667 г. в монастырь приехал стряпчий Иван Образцов, чтобы проверить условия жизни Никона и по возможности их облегчить. Оказалось, что Наумов держит узника за железными решетками без царского позволения. За это Образцов распорядился его наказать - отсидеть три часа под арестом. Бывшему патриарху и его старцам был позволен теперь

свободный выход из кельи и приход к нему посторонних лиц с ведома пристава. Никону была вручена также большая царская денежная милость в 1000 рублей, а ферапонтовским властям был объявлен царский указ о даче во владение Никону для улучшения его содержания Бородаевского озера, монастырского невода с ловцами, а в Бородаевской волости на реке Шексне права ловить красную рыбу - осетров и стерлядей²⁶. И еще один приказ привез Образцов - построить Никону новые кельи²⁷. 7 сентября в ответ на царские благодеяния Никон посылает письмо с благословением царского семейства и прощением²⁸.

Жизнь в монастыре закипела. Из Кирилло-Белозерского монастыря еще по указу от 5 января 1667 г. доставлялись продукты, одежда, посуда - всё, что нужно было для домашнего обихода, для отправления келейного и церковного правила, также рабочие люди и слуги. Сначала по мере надобности, потом помесечно и понедельно. Везли живую рыбу в бочках.

Кириллов монастырь нес главные расходы по содержанию Никона, его старцев, архимандрита Иосифа, пристава с 20 стрельцами. Ферапонтов же монастырь поставлял продукты первой необходимости, печеный хлеб, мелкую рыбу, а также людей для домашних услуг и крестьян для рыбной ловли, людей и лошадей для почтовой гоньбы.

С июля 1667 г. она усилилась - к Никону открыли доступ посторонних лиц. К нему стали стекаться отовсюду почитатели, привозили разные вести, подарки и деньги. Обо всем этом надо было неустанно доносить в Москву²⁹. Стали возвращаться уехавшие старцы, приезжать новые. Живет с Никоном в это время уже 6 человек³⁰. 1 марта 1668 г. Наумов доносил государю: «... а братии, государь, с ним живет в келии (старой) человек десять и больше; ... а братия его, с ним живущая в кельи, священники, диаконы и клирошане, всякую келейную работу ему работают, келии нагревают, и варят, и обшивают, а Ферапонтова монастыря слуг и поваров по сие время келью к себе не имывали, тружется сам с братиею ...»³⁷.

Весной 1668 г. приступили к строительству новых келий для Никона. Он пока еще живет в больничных кельях «во тьме и сени смертной, окованный нищетой и железом»³¹, но уже хлопочет о даставке из Кириллова монастыря мебели, утвари для нового своего жилья³². 7 мая 1668 г. Наумов, между прочим, требует «к келейному делу бывшего патриарха Никона добрых плотников, сколько человек пригоже, незамотчав», а 20 мая велит прислать «незамотчав, окончиннаго мастера» и прибавляет: «а делать ему окончины в келью бывшему патриарху Никону; а слюда у нас готова, куплена на его казенные деньги»³³.

Кельи были закончены к лету 1668 г.³⁴ Находились они близ прежней больничной кельи и братской трапезной, то есть с северо-восточной стороны монастыря. В новых кельях Никона была устроена своя трапезная, в которой он отправлял со своими старцами келейное правило и суточное богослужение. Для литургии же по праздникам Никон ходил под караулом в отведенную для него с весны 1668 г. надвратную Богоявленскую церковь³⁵. Выход обставлялся торжественно: впереди Никона шли 2 стрельца, позади шесть во главе с сотником. Также обставлялись выходы в собор на Пасху и двенадцатые праздники³⁶.

В новых кельях с Никоном живет уже 10 человек. В июле 1668 г. к Никону возвратился иеромонах Палладий, прибыли новые лица: иеромонахи Тимофей, Варлаам, иеродиакон Мардарий, монахи Виссарион, Иоаким, Иона серебряник и другие. Они отправляли для Никона келейное правило, делили с ним обычную будничную жизнь, как близкие

доверенные лица, посылались им с поручениями в разные места. Для черных услуг даны были Никону от Кириллова монастыря конюх, повар, портные и сапожные мастера, подъячий для письмоводительства³⁸. Правда, в июне 1671 г. в келье у Никона новый пристав князь Самойло Никитич Шайсупов застал только черного попа Варлаама, ферапонтовского служку, дьячка да трех людей рабочих³⁹.

Но налаживавшаяся было жизнь оказалась под угрозой: по заключению нового соборного совещания двух восточных патриархов с русскими патриархом Иоасафом и архиереями 9 апреля 1668 г. Никона чуть было не перевели «в иной монастырь в дальной». Но указ остался без исполнения, так как не был одобрен царем. «Никон остался жить в Ферапонтовом монастыре, но подвергся самому строгому усиленному надзору со стороны пристава Наумова, и до смены этого пристава в половине 1671 г. испытывал самые тяжелые душевные муки. Расставленный около келий Никона и в разных местах близ Ферапонтовского монастыря стрелецкий караул внимательно следил за всеми лицами, приезжавшими к Никону; всех этих лиц приводили к приставу для обысков и допроса. Многие из приезжавших не умели или не хотели объявлять о цели своей поездки к Никону, давали фальшивые показания, путались в них, и потому сряду же брались под арест, под караулом отправлялись в Москву в приказ тайных дел к более строгим допросам и пыткам, подвергались наказаниям и ссылке. Все время с лета 1668 г. по конец 1670 г. проходило в таких арестах, розысках и ссылках; по делу Никона привлекались к суду и разные монахи, монастырские служки и крестьяне, жившие не только в Ферапонтове и других северных монастырях, но и в самой москве»⁴⁰.

Надевшийся на освобождение со времени приезда Ивана Образцова в июле 1667 г., отчаявшийся Никон 7 сентября 1668 г. призвал к своей келье архимандрита Иосифа, стрелецкого сотника, игумена, келаря и всех стрельцов и сказал великое государево «слово и дело»: на Москве изменники хотят «очаровать» государя. Никон просил дать подводу и провожатых, с которыми он хотел с этим делом послать своего человека непосредственно к царю. «Но пристав Наумов долго в том с криком, бранью и угрозами» Никону отказывал. «Наконец, отпустил своего человека, да вора стрельца, а меня велел заковать и около кельи поставил семь караулов», - писал Никон в письме, которое вез в Москву в октябре его доверенный старец Флавиан⁴¹.

Стрельцы менялись довольно часто - смена присылалась из Москвы. Несли они свой караул у келий Никона не с воинским оружием, а с дубьем. Пристав и стрельцы жили за монастырем, на особом дворе. У пристава находилось еще несколько человек подъячих для письма государевых дел; подьячие были из служек Кириллова монастыря. Вся эта команда и приказная изба состояли на содержании Кириллова монастыря.

В ноябре 1668 г. в Ферапонтов для разбора письма и жалоб Никона приезжает стрелецкий голова Юрий Петров Лутохин. В это же время он осматривал и знаменитые деревянные резные кресты, поставленные Никоном в разных местах с надписью «Животворящий крест Христов поставил смиренный Никон, Божиею милостию патриарх, будучи в заточении за слово Божие и за святую Церковь на Белеозере, в Ферапонтове монастыре в тюрьме»⁴³.

В конце 1668 г. ценою клеветы на Никона покидает Ферапонтов монастырь новоспасский архимандрит Иосиф. Благодаря своему навету он с провожатыми был немедленно переправлен в Москву в приказ тайных дел, так как обвинял Никона в сношениях с донскими казаками Степана Разина⁴⁴. В это время в округе Ферапонтова и Кириллова монастырей появляются бродячие монахи, казаки. Так, 22 января 1669 г. ферапонтовский келарь Макарий Злобин «собрался нарядным делом с монастырскими служками, да с

приходящими ворами, пьяным обычаем, разбил караул, стоящий у Никона, сотников и стрельцов побил на голову», так что Наумову для усиления охраны пришлось просить о присылке новых стрельцов из Москвы⁴⁵. Естественно, это не улучшало условия жизни Никона в ссылке, он по-прежнему оставался под строгим караулом.

Положение его в это тревожное время было тяжелым»Я оцынжал и одряхлел и своим нуждам не могу спострадать; за грехи мои в левой руке боль настала и действовать нисколько не может», - писал Никон⁴⁶. А пристав Наумов 10 декабря 1670 г. сообщал кирилловскому архимандриту Никите, что старец Никон волею «Божиею заскорбел гораздо», желает исповедаться и приобщиться святых тайн и для этого вызывает к себе своего духовника - его, архимандрита Никиту⁴⁷.

15 июня 1671 г. пристава Наумова сменяет князь Самойло Никитич Шайсупов, который проживет в Ферапонтове до января 1676 г.⁴⁸

Новый пристав сразу же занялся «келейной починкой» - ремонтом «каменной кельи, где сидеть для государевых дел», требует из Кириллова «подмастерья каменного дела». 5 июля в Ферапонтов монастырь приезжает знаменитый Кирилл Серков, составляет смету. «Да по смете, господа, подмастерья вашего на келейную починку кирпичю надобно пять сот, да четыре бочки извести, да четыре человека каменщиков, потому что того запаса в Ферапонтове монастыре кирпича и извести нет, вам бы, господа, к тому делу кирпичи и известь и каменщики прислать в Ферапонтов монастырь июля в 6 день». Но кирилловские власти отказывают в присылке требуемого, так как «в государевой грамоте того не написано, что Кирилловым Ферапонтов монастырь строить».

Шайсупов пишет жалобу на имя государя, в ответ на которую 12 октября 1671 г. приходит из Москвы кирилловским архимандриту Никите и строителю старцу Исае с братиею грамота о посылке в Ферапонтов монастырь «500 кирпичей, 4 бочек извести и 4 каменщиков для починки каменной кельи близ кельи бывшего патриарха Никона». Требуемое высылают только в конце декабря⁴⁹.

Шайсупов заботится об условиях жизни Никона в монастыре - 2 августа 1671 г. он запрашивает в Кириллове «двух каменщиков для переделки двух израсчатых печей у монаха Никона в кельях, да с ними же, каменщиками, на те на две печи прислати связи железные и известь тот час не замотчав». Каменщиков, пятеро человек, и печкарь Феодора Иванова прислали 7 августа. «Печкарь Федор и каменщики в кельях у монаха Никона в подклете да вверху зделали две печи обрасчатую да кирпичную и трубу ис потолка вывели, а свершили для того, что извести не стало». Никон отпустил печников в Кириллов на праздник Успения, после которого они должны были переделать печи в другой келье, доделать трубы. На работу ушло «пятьдесят обрасцов мраморных ценинных, восемь связей железных весом полтретя пуда»⁵⁰.

Еще полгода жизнь Никона текла по-прежнему: он держался в строгом заключении и к нему не допускали никого из посторонних. 25 декабря 1671 г. Никон решает снова отправить своего келейного старца, теперь иеродиакона Мардария, с письмом государю, в котором описывает свою жизнь в Ферапонтове и умоляет его об облегчении своей участи: «... Теперь я болен, наг и бос, и креста на мне нет третий год, стыдно и в другую келию выйти, где хлебы пекут и кушанье готовят, потому что многие части зазорные непокрыты; со всякой нужды келейной и недостатков оцынжал, руки больны, левая не подымается, на глазах бельма от чада и дыма, из зубов кровь идет смердящая и не терпят ни горячего, ни холодного, ни кислого, ноги пухнут и потому не могу церковного правила править, а поп

один, и тот слеп, говорить по книгам не видит; приставы ничего ни продать, ни купить не дадут, никто ко мне не ходит и милостыни просить не у кого ...»⁵¹

18 января 1672 г. в Ферапонтов монастырь приезжают стрелецкий голова Иларион Лопухин и подъячий приказа тайных дел Артемий Степанов с милостыней от царя: деньгами, шубами, рыбою и ответом на письмо Никона. Произошло объяснение с царем через его посланных. Никон обратился к ним с просьбой об облегчении его участи - перевести его в Воскресенский монастырь или «другой монастырь его строения, лучше в Иверский», обрисовал жизнь в монастыре: «... а в Ферапонтовом монастыре жить страшно, ибо монастырь не огорожен, и в пище и в служебниках ему скудость; и монастырю от меня и от дворян и стрельцов тщета великая, и в хлебе недород и скупость, братию и трудников и стрельцов кормят овсяным хлебом, и того надолго не будет; из Кириллова монастыря присылают малую часть, ибо и там скудость в хлебе. Когда его Степан Наумов заключил в келье, то прежние его старцы и келейники разошлись все врознь, а иных выслали, а вновь никого и близко не пропустят...» Выслушав все заявления просьбы патриарха, Лопухин и Степанов обещали ему донести о том государю; а с своей стороны сделали словесные распоряжения - для улучшения содержания Никона велеть ему брать запасы для его келейного обихода не только с Кирилловского, но и с других белозерских монастырей, Троицкого на устье реки Шексны и Новоезерского, в прибавку к ним и с двух вологодских, Спасокаменного и Прилуцкого; на содержание приставленной к Никону стражи велели выдавать из Кириллова монастыря определенные хлебные запасы ежемесячно и съестные запасы по запросу. Приставу Шайсупову приказано не делать патриарху Никону никакого стеснения и открыть ему свободный выход из кельи, так как это стеснение и заключение в келье при Наумове было без царского повеления⁵². Но из-за смерти патриарха Иоасафа († 17.02.1672) никаких точных письменных инструкций не последовало.

В начале марта 1672 г. Никон опять пишет собственноручное письмо государю, где в очередной раз описывает свое тягостное положение и просит: «... вели служащим единому или двум послужити нужным нашим потребам, кто б принес пити и ясти, да чем и им сытым и одетым быти; а аз же зело взнемог от многих скорбей моих, некому ясти сварить; а здесь таковых людей нет; кои данные и бывают, и те хотят взять, а так не хотят ничево делать; да сказывают, что не умеют. А что твоя великаго государя милостыня прислана с Ларионом Лопухиным, и то се изошло, потому должен был многим, а иное олихоимствованным и разоренным от Степана Наумова, с теми поделился ... пришли ... да и церковных людей, с кем бы церковный обиход исправить; а я ныне один не могу исправлять. Господа ради милостив буди».⁵³

Письмо это было доложено царю 21 марта. В тот же день отправлен указ Шайсупову: «Ведомо нам учинилось, что у Никона монаха священник его Варлаам болен и слеп, и служебников у него для подачи питья и яствы нет; и как к тебе сия наша грамота придет и тебе дать Никону для службы из тутошних работных людей человек двух или трех, чтоб у него в том никогда скудости не было». Получив этот указ, Шайсупов объявил его Никону и об ответе его сряду же доносил государю: «Грамота твоя прислана 27 марта и я того же дня к монаху Никону ходил и твой указ сказывал; а в Ферапонтовом монастыре черный поп один; и монах Никон мне говорил: что де ему черные поп или дьякон не его постриженники не надобны и в келью к себе их не возьмет; а для всякой работы и послужения тутошних людей в келье у него в денежной его казне и в судах многая поруха чинится и пропажа, и верить здешним людям будучи у него в келье не мочно; а розыскивать про такая дела кроме крови нечем, а ему де, государь, такие розыски и ненадобны; а хлеб печь и яства варить и питье строить про него здешним людям некому, а хлеб по нужде печет и ествы варит он монах Никон про себя сам; и чтоб де ты, великий

государь, пожаловал монаха Никона, велел у него быть священнику и дьякону его постриженникам, а для всякой службы - ево же людям, которые у него были прежде в Воскресенском монастыре ... Да он же, Никон, говорил мне, что он к церкви не ходит четвертый год, а когда он и ходил, и то за караулом ...»

Донесение Шайсупова получено в Москве 3 апреля, а 13 числа государь отправил к нему стряпчего конюха Степана Веригина с приказом спросить Никона, каких лиц из своих прежних постриженников он желает иметь у себя попом и дьяконом и каких работников из Воскресенского монастыря, чтобы он сказал их имена. Ответить прямо на эти вопросы Никон считал для себя неудобным. По этому поводу Шайсупов доносил царю: «22 числа апреля грамоту я получил и того же числа сообщил о ней Никону, и Никон мне сказал, что теперь он не знает попов и дьяконов своего поставления и работников Воскресенского монастыря, кто из них находится в живых: уже шесть лет прошло после того, как он выехал из Воскресенского монастыря, многие оттуда уже разошлись за это время; а хотя бы он и знал о них, но имен их указать ему теперь нельзя и в неволю насильно вводить их он не хочет, потому что и ныне живущий у него черный поп Варлаам скучает от великой нужды и хочет идти от него. Если же государь захочет прислать кого-либо к нему из Воскресенского монастыря, то нужно посылать таких по их желанию, а не по принуждению, нужно дать им и средства к пропитанию и свободу ходить и ездить, куда захотят без караула, чтобы они по желанию могли и оставить Никона». При этом Шайсупов со слов патриарха доносил: «А здесь в Ферапонтовом монастыре место скудное; и запасы из монастырей присылают сюда с большею скудостью и с великим ропотом; присылают из монастырей гнилое и затхлое, что им самим негодно к употреблению».⁵⁴

Просьбы Никона о личной свободе его и келейных его старцев наконец были уважены. С лета 1672 г. он пользуется свободным выходом из своих келий и совершает прогулки по окрестностям Ферапонтова монастыря. В начале июня он требовал себе из Кириллова присылки «лошади доброй с ходью, ступистой, не шарахой, не потытчивой, да седла сафьянного с прибором властелинского, доброго, на чем ему самому ездить, и сукна на полный снимальник». Когда кирилловский архимандрит Никита по этому требованию прислал ему лошадь - серого мерина прозвищем Щеголь и седло с принадлежностями, то Никон этой лошади не принял, потому что «цветна», а велел прислать другую, добрую - карюю, или гнедую, или вороную, или рубую из-темна, да конюха, который бы умел «стряпать около той лошади». Присланного мерина вороно-карего прозвищем Москва принял. Вскоре лошадь эта заболела, её велели переменить, но власти Кириллова монастыря писали, что «лучше той лошади ныне у них отнюдь никаковы нет».

В августе снова требовали прислать для Никона «верховую лошадь» и другую лошадь с телегой для его келейного старца. Еще при Наумове Никон ездил в пустынь Нила Сорского молиться. Теперь он совершает прогулки пешком и на лошади на свои пруды и на дальние рыбные ловли. Впоследствии его обвиняли в том, что он ездил в гости к разным лицам и приставу Шайсупову - все эти поездки совершались с ведома пристава в сопровождении сотника и стрельцов⁵⁵.

Число келейных старцев и слуг у Никона теперь умножилось. Шайсупов, прибыв в Ферапонтов монастырь, застал у него одного черного попа Варлаама, ферапонтовского служку, дьячка и трех рабочих людей. Летом 1672 г. у Никона было, кроме Варлаама, уже четыре старца, в апреле 1673 г. с ним в кельях жили священник, дьякон, старец, нищий, двое служек, два повара и семь человек рыбных ловцов и работников. В июне 1674 г., кроме старцев, у Никона было уже 22 человека рабочих и служек⁵⁶.

К бывшему патриарху стало приходить и приезжать отовсюду за благословением, советами и наставлениями множество народа. Многие приносили свою милостыню, а многие приходили за ней, зная благотворительность Никона. Но особенно много стало стекаться народа в Ферапонтов монастырь, когда распространились слухи об успешном лечении им разных болезней при помощи лекарства, приготовленного с молитвой из трав и освященного масла. Бывали дни, когда перед его кельями собиралось из окрестных волостей мужчин, женщин, детей свыше сорока человек⁵⁷. Шайсулов доносил государю: «... приезжают и приходят к нему болящие, всякими болезнями одержимые, для исцеления: и от его молитв и от освященного масла помазанья и от лекарств исцеления получают; и тем болящим доведется быть в келье до исцеления безотходно дни по 2 и по 3 и по 4 и по неделе»⁵⁸.

Всех надо было накормить, всем дать милостыню. От Никона увеличивается поток писем с просьбой об увеличении размеров содержания. 24 мая 1672 г. Никон прислал приставу Шайсулову письмо за своею печатью для отправки царю. В нем он писал: «Присланные тобою ко мне 18 генваря нынешняго года стрелецкий голова Иларион Лопухин и подъячий Артемий Степанов сказывали мне твою государеву милость, что ты велел брать всякой запас про наш обиход с монастырей Кириллова, Троицкого, Новоезерского, да в прибавку к ним и с монастырей вологодских, Каменного и Прилуцкого; но с монастырей этих прислано запасов не много; по новой моей просьбе о том к Шайсулову - к нынешней Пасхе мне прислали из Кириллова монастыря 13 гривенок масла, 200 яиц сырых, 100 яиц красных, сметаны только с братскую братину, и немного хлебных запасов; а с других монастырей к Пасхе ничего не прислали. Пристав Шайсулов объявил мне, что эти монастыри отказываются присылать и впредь. А жизнь в Ферапонтовом монастыре скудная; вотчинка за ним небольшая, и крестьянишки обнищали до конца; а рыбёнка когда и уловится на братию, и то мелкая самая худая, ершишка да сорожка; а что с весны я сам собою добыл рыбы в Шексне, она в саду вся померла. Здесь место пустое, от городов далеко и с деньгами купить нельзя. А которая рыба на Белоозере и в Шексне покрупнее - осетры и стерляди в улове, той рыбы по твоему крепкому указу продать никто не смеет, и по городам запасов ея и товаров продать на мое имя никто также не смеет: потому что у кого было куплено, тем пристав Наумов учинил великие убытки. Да Лопухин и Степанов сказали мне на словах, что ты, великий государь, пожаловал наших старцев и мирских людей - велел освободить из-за приставов и из ссылок; а то, освобождены ли они, и по сие число мне не ведомо. И ты, государь, учини свой о всем том милостивый указ, да будет правда твоя правда во век и слово твое истинно и милость твоя в род и род. Царь государь, смилуйся»⁵⁹.

Шайсулов в донесении государю, отправленном вместе с этим письмом Никона, со своей стороны сообщал: «От Лопухина и Степанова я получил твой государев указ о присылке запасов монаху Никону из вологодских монастырей, но отсюда прислали запас скудной не против запросу и ныне 15 марта писал ко мне прилуцкий архимандрит Исаия и келарь старец Сильвестр с братиею, что у них скудость большая и посылать нечего; а Каменного монастыря архимандрит Даниил с братиею писали, что им не было известия о посылке Никону запасов; из белозерских монастырей прислали немного; а людям, посланным от Никона в вологодские пределы для сбора и закупки запасов, Каменного монастыря архимандрит Даниил явился непослушен и в подводах им отказал и про старца Никона говорил непригожие слова, будто у него мера воровская, а не прямая; а у старца Никона, государь, мера прямая московская таможенная, прислана из Кириллова монастыря за печатью. И я отписки из Прилуцкого и Каменного монастыря и представленную мне доезжую память черного попа Варлаама, посланного Никоном для сбора, посылаю тебе, великому государю, и ты какой о том указ учинишь»⁶⁰.

Таким образом, тягость содержания Никона со старцами и пристава со стрельцами по-прежнему лежала больше всего на Кирилло-Белозерском монастыре. Отсюда посылаются в Ферапонтов монастырь все хлебные запасы - мука, солод, хмель, рыба, мясо, келейные запасы, сукно для одежды, сапоги, свечи сальные и восковые, богослужебные книги, припасы и люди для скотного двора, лошади, коровы, портные, рыболовы, рыболовные принадлежности; некоторые предметы патриарх покупает здесь на свои деньги; многое присылается ему в подарок к праздникам, Петрову дню, ко дню преподобного Кирилла Белозерского. Но все эти присылки не могли всегда удовлетворять потребностям ферапонтовских жителей, особенно при увеличении числа старцев и служек Никона. Кирилловские власти тяготились новыми запросами и стали на некоторые из них отказывать.

Однажды на требование прислать для Никона «муки ржаные белые, а рожь велеть молоть отолокши с водою», они отвечали, что у них в монастыре «ржи с водою столкивать не умеют». На другое требование прислать 10 плотников для постройки скотного двора, да 10 человек с подводами для возки бревен на дворовое строение, они отвечали отказом и заявили: «... ныне (в конце августа) время крестьянолм работное, рожь к переду сеют и хлеб с полей убирают, а не дворы строят; да и в указе государевом не сказано, чтоб их давать в Ферапонтов монастырь на дворовое строенье плотников и людей рабочих». Такие отказы не нравились и патриарху - прочитав одну отписку кирилловских властей о том, что у них нет требуемых осетров, красной и белой живой рыбы, он не велел принять посланных ими других запасов «для того, что и есть у них, они того не присылают, а что и пришлют, то не сполна»⁶¹.

В августе 1672 г. для пристава князя Шайсупова в монастыре строится новая приказная изба близ кельи Никона. «Ныне по указу великого государя велено мне построить в монастыре приказную келью, где бы мне жить для оберегання Никона; и я построил эту келью близ кельи Никона; об отделке окон и замков в этой кельи я говорил казначею старцу Иову, но он оказался непослушен и в том мне отказывает», - писал в жалобе на ферапонтовские власти Шайсупов⁶². Отремонтированная в конце 1671 г. каменная келья, видимо, была уже неудобной.

В свою очередь Никон тоже начинает хлопотать об улучшении ставшего теперь тесным, второго своего жилища в Ферапонтовом монастыре. 4 Февраля 1673 г. в жалобе Шайсупову на ферапонтовского игумена Афанасия Никон говорил о своей просьбе к нему: «чтоб для тех болящих, где им пребывать и ему, Никону, к ним приходить, игумен очистил особую келью, потому что у него, Никона, свои кельи тесны и сами де с нуждою пребывают; но игумен Афанасий в том ему отказал»⁶³.

В апреле Шайсупов пишет в Москву донесение: «... ныне в 181 (1673) году апреля в 7-й день призвал меня Никон к себе в келью и просил, чтоб я написал тебе, великому государю: пришло де, государь, время к его, монаха Никона, древней старости и к скорбям, а кельи его от церкви удалены и поставлены вне монастыря; а в соборной церкви Рождества Богородицы служба бывает с весны и до зимы у игумена Афанасия с братиею, а с осени и до весны у них бывает служба в трапезе; а ему Никону, за стужею и за дализною в ту соборную церковь и в то время ходить невозможно, и приходить к соборной службе за их неисправлением немочно, поют не по уставу, а на крылосах у них бывают робята; а в монастыре над святыми воротами церкви во имя Богоявления Господня, а в приделе преподобного Ферапонта: а в стене подле той церкви на монастыре келья, что бывала келарская, ветха небольшая, ныне в той келье живут простые старцы.⁶⁴ И Никон мне говорил, чтоб эту келью сломать, и на этом месте строить ему у той

Богоявленской церкви кельи, чтоб из тех его келий в ту церковь был ему ход для службы литургии незарен. Если ты позволишь эту келью строить, то какими рабочими». ⁶⁵

Крестьянам Ферапонтова монастыря в это время приходится весьма туго. Никон даже вступает за них в письме царю в марте 1673 г. ⁶⁶ Вот как описывал работу крестьян Никон в начале июля 1674 г.: «... Да ныне 1 февраля и после, в мае и июне, белозерские воеводы писали в Ферапонтов монастырь к игумену и братии, чтобы прислали своих крестьян с 30 дворов по человеку с лошадьми и рабочими орудиями на Белоозеро для заготовки садков для живой рыбы; но, государь, крестьянам Ферапонтова монастыря и без того много работы для моего обихода: рыбу ловят, сено косят и возят, огороды строят, дрова секут и возят и всякую работу работают, а из других монастырей ни в чем им не помогают». ⁶⁷

В апреле 1673 г. для выяснения нужд бывшего патриарха приезжает государев стряпчий Козма Аврамович Лопухин. Обнаруживаются наглые злоупотребления игумена Афанасия - обман, приписки, обсчет. 9 августа он бежит из монастыря. ⁶⁸

Понимая сколь тяжело положение Ферапонтова монастыря, Никон в сентябре вносит в него денежный вклад в 500 рублей с записью во вкладной книге: «... давать ему, патриарху, обиход против четырех братом, а которые старцы и мирские люди станут у него в келье жить, и им также давать от братии пищи за тот вклад». ⁶⁹ В это же время Никон просит прислать ему из Воскресенского монастыря бывшую его, патриарха, келейную рухлядь, книги, платье и судки, богослужебные книги, полное церковное облачение для священнослужащих, кадило, церковные сосуды с покрывалами и крест благословящий. ⁷⁰

Почти все просьбы Никона были удовлетворены - в ноябре 1673 г. в Ферапонтов снова приезжает Лопухин с царскими подарками и инструкцией, состоявшей из 11 пунктов. Здесь подробно перечислялись разнообразные годовые запасы, которые должны были поступать из белозерских монастырей. ⁷¹ Не было лишь выполнено несколько просьб патриарха: присылка книг, утвари, келейной рухляди из Воскресенского монастыря, не разрешено перевести на прежнее место проезжую дорогу ⁷² и строить кельи у ц. Богоявления на святых воротах. ⁷³ Никон тотчас пишет очередное письмо, прося построить новые кельи. ⁷⁴

Видимо, не рассчитывая на отказ, а потому не дожидаясь разрешения, Никон еще в сентябре 1673 г. начинает заготавливать под строительство келий материал. С сентября князь Шайсунов ведет переписку с Кирилловским монастырем о заготовке леса кирилловскими плотниками для «келейной и амбарной постройки» Никона. К декабрю лес был, видимо, уже заготовлен, так как Никон требовал его перевоза в Ферапонтов монастырь. Но кирилловские власти без государева указа делать это не собирались. 3 марта 1674 г. Никон снова требует строительный материал и посылает подробную его роспись. Одновременно он просил прислать «для печных починок три тысячи кирпичю жженого». Тес, скалы, кирпичи стали завозить в Ферапонтов в марте 1674 г. Никон заказывает изготовить в Ферапонтовом монастыре еще 50 тысяч штук кирпича на свои келейные деньги. Речь, видимо, идет уже не только об одной печи. ⁷⁵

Наконец, 30 апреля 1674 г. Козьма Лопухин, среди прочего, привозит долгожданное разрешение на строительство келий. Возводились они на деньги белозерских и вологодских монастырей. ⁷⁶ Кирилловские власти неохотно отпускали своих плотников на строительство. Размер келий вызывал недоумение. Никон писал царю: «Не вели, государь, кирилловскому архимандриту с братиею в мою кельишку чертей напускать. Дворецкий

Кириллова монастыря говорил про меня: «что он с Кирилловым монастырем заедается? Кому он хоромы строит? Чертям что ли в них жить?»⁷⁷ Кирилловские плотники за неуплатой им содержания оставили работу и ушли.⁷⁸ В жалобе на кирилловские власти, отправленной Никоном в январе 1675 г. царю, он писал: «... они по твоему великого государя указу келей не достроили и печей в кельях не зделали, и дверей и окон не доделали, не навесили и не опушили и не затворили, и братье, государь, жить стало негде, скитаются кое-где ...»; в письме от 26 апреля: «... з братиею в одних в старых своих кельях пребываю, а и тех, государь, нагревать не смею, потому что от разломанных печных труб часто загораются иверху все закоптело ...»⁷⁹

В свою очередь кирилловский архимандрит Никита в январе же направил царю челобитную с жалобою на Никона, в частности, что келейную постройку он делал от себя, произвольно, а не по указу и росписи. Козьмы Лопухина: «Вместо сенец, которые велено срубить для поклажи, велел он, монах Никон, с старых своих с пяти келей верхи снять по потолок, а под потолками построил на тех кельях четыре светлицы в длину двенадцати сажен, поперег три сажени, в них десять житей, семеры двери с резми, да девять окон красных с резми же, четыре окна створных, а около тех светлиц на переходы монастырских токарей шесть человек в три недели выточили сто шездесят столбов ... Да вместо брацкие кельи по иво ж монаха Никона велению построена келья с сенми о четыре ж жития в вышину шездесят семь рядов, в длину пяти сажен, поперег попяты сажени, и та келья и светлицы покрыты под одну кровлю тесом ... А в тех светлицах и в келье зделаны четыре печи ценинных, в них шесть сот дватцать образцов ... У того строения плотников работало 182-го (1674) году мая со 18 числа да по 183-й (1674) год сентября по 24 число четыре месяца пять дней сорок пять человек ... А сентября з 24 числа да октября по 24 число ныняшняго 183-го (1674) году работали дватцать один человек ... Да погребные ямы и трубы с монастыря копали дватцать человек двенадцать дней ... Семь человек наемных кирпичиков вырезали и обожгли дватцать три тысячи триста кирпичей ... А для обжегу того кирпичю починивали ферапонтовских две печи двенадцать человек каменщиков полшеста дни ... И всего у монаха Никона у светлиц и у келейного строения и у всякой работы работали тысяча шездесят четыре человека, в нарядчиках за ними служек три человека, поваров два человека ... И всего монаха Никона в светлицы и в келейное иво строение бревен, и тесу, и скал, и дощек, гвоздья, и кирпичю, и крюков, и петель, и плотником и работным людем найму и всяких съестных запасов издержано на тысячу на девяносто на четыре рубли на тритцать алтын. А в хоромном строении чинил он, монах Никон, налогу большую: поутру что укажет плотником делать, а в вечере то дело и велит розломать и делать иным образом ...»⁸⁰

Основания для жалоб на Никона у кирилловских властей действительно были, так как по «Кузминой розвытке велено ему, Никону, построить Кириловым монастырем келейново иво строения: погреб срубить из бревен, на нем келья с сенми рублеными, сверху кельи и сеней зделать чюланы рубленые и покрыть тесом, да против иво Никоновы кельи срубить сени и покрыть с тою ж кровлею под одну кровлю».⁸¹

Возникшие недоразумения, и не только из-за постройки келей, приехал в январе 1675 г. разбирать всё тот же стольник Козьма Лопухин. По наказу Алексея Михайловича и бояр он выговаривал Никону, в частности, зачем он держит у себя лишних людей в кельях и на службах, «какая ему в этом прибыль; от того только молва рождается и многие переговоры», предлагал ему держать в услужении 5, 6, а по нужде не более 7 человек. Лопухин также должен был «строение ево Никоново ... досмотреть всего тайно и начертить на чертеж, а чево по розвытке недостроено, велеть дастроить тем же людем, на ково что розвычено, а что сверх розвытки, которыми монастырями построено и то описать». Лопухин что «построено монастырями досмотрел тайно и описал и чертеж

учинил. А по осмотру келейного строения, что строили по росписи Кирилова монастыря власти, келья с сенми рублеными 5 сажень, под нею погреб, сверх кельи и сеней 2 житья летних брацких покоек и покрыта тесом, двери на крюках, колоды косячетые, два окна красные косячетые, да затворы, и печей и лавок нет. Да кириловские ж власти строили сверх росписи на старых ево Никоновых на пяти кельях четыре житья да чердак небольшой против житья же. Да сверх новых ево четырех келей на всех построено летние братские покои, а в них 7 двери, 13 окон красных, на дверях и на окнах рези топорные и около дверей четырех житей перила перед окны с выпуски и столбы под кровлю подведены точеные, в средней в верхней печь складена, лавок и окончин нет. Покрыты тесом под одну кровлю со всеми кельями вровень, что строили по росписи Кирилова ж монастыря. Келия ж Спаса Прилуцкого монастыря с манаstryями ж, что строили ж по росписи с сенми рубленными пяти ж сажень, под нею погреб, на кельи ж рублен брацкой чюлан, в сенех к одной стороне - поварня и покрыто под одну кровлю с кельями ж, что строили Кирилова монастыря. Выше каменной полаты покамест указана вышина строить по росписи тремя саженьми, а внутри лавки и двери и печи со всем построено ... Строенья, которого Кириловым монастырем не достроено, без указу великого государя Кузма Лопухин достраивать не велел, потому что сверх ево розвытки и роспись объявилось в недостройке то, чего им и строить не указано».⁸²

Тут же была составлена новая подробная роспись того, что должно было поставляться с монастырей на содержание патриарха и его хозяйство.⁸³ Вместе с тем Никомну была передана денежная царская милость на его расходы, а для отправления церковного правила - серебряные церковные сосуды с покровами, облачения для служащих иеромонахов и круг богослужебных книг. В апреле Никон просил о присылке колокола для Ферапонтова монастыря, а также дополнительную утварь для Богоявленской церкви.⁸⁴

Через год, в январе 1676 г. Никону прислали ризницу для церкви, сосуды и три небольших колокола, все весом в 2 с четвертью пуда.⁸⁵

Несмотря на распоряжение Лопухина, Никон все же продолжал без государева указа строить свои кельи. Вот что доносил об этом царю в мае 1675 г. Шайсунов: «И в феврале, государь, месяца после приезде в Ферапонтов монастырь стряпчего Козмы Лопухина монах Никон для своего выхода в церковь Богоявления Господня над каменной кельею, где, государь, по твоему великого государя указу для твоих великого государя дел мне, холопу твоему, сидеть и в бережение монаха Никона для приезде построен был приказ, велел ферапонтовским плотникам приделывать трапезу теплую, а ход, государь, велел учинить ис своих келей скроз полату по братцким кельям переходами, а воспрещать, государь, в том строении ему, монаху Никону, без твоего великого государя указу я, холоп твой, не смею, что ему, монаху Никону, вельми досадно ...»⁸⁶

В апреле новые кельи все еще недостроены. Никон жалуется, что власти Кириллова монастыря вопреки указу государеву келей ему не строят, а у старых его келей трубы и печи разломаны и нагревать их нельзя. У него же оловянная, медная и железная посуда и бочки поиздержались, а на Белоозере и вологде, кому бы ту посуду починить, таких мастеров нет, и бочек купить негде; в Кирилловом монастыре много всяких мастеров, но власти во всем ему отказывают и говорят, что Козьма Лопухин ничего не велел делать им сверх росписи. Поэ

Тому он просит кирилловским властям приказать кельи его достроить, посуду его починить и для того мастеров своих присылать.⁸⁷

Летом Никон на свой страх и риск кельи построил. «И в нынешнем, государь, во 183-м (1675) году, наймуча твоим государевым жалованьем дорогою ценою плотников те недоделанные кельи поделал, лесу покупая, и двери и окна навесил, а иное и Ферапонтова монастыря плотники делали», - писал он царю в августе.⁸⁸

Наконец кельи достроены, но печи не готовы. В сентябре Никон умоляет царя: «... Господа ради вели печи сделать, а не велишь, братья разбредутся розно, и я останусь один. Ох, увя мне, что буду!»⁸⁹ Надо надеяться, что печи все же были сложены, иначе приходится допустить, что Никон вообще не воспользовался новым строением.

В конце января 1676 г. козья Лопухин привез в Ферапонтов милостивый царский указ, согласно которому вместо столовых запасов, сена и дров полагалось с девяти северных монастырей на содержание Никона брать наличными деньгами ежегодно 839 рублей, и, если этих денег окажется мало, то государь обещал присылать Никону в прибавку из своей казны по 199 рублей, только бы у него запросов с монастырей больше не было.⁹⁰ Тем самым Никон наконец-то освобождался от различных тягостных объяснений с этими монастырями.

Но вслед Лопухину скачет в Ферапонтов монастырь особый гонец, стрелецкий голова Илларион Лопухин, с известием о внезапной смерти в ночь с 29 на 30 января царя Алексея Михайловича, благодеяниями которого скрашивалась жизнь Никона в ссылке.

29 марта на смену Самойле Никитичу Шайсупову, давно добивавшемуся отставки из-за ссор с Никоном, присылают Ивана Ивановича Ододурова. Ему дан наказ с новыми подробными статьями о строгом бережении Никона. Прибыв на место, Ододуров сразу же стал сурово относиться к патриарху, запретил свободный выход ему и его старцам из келий, совершенно запретил ходить к нему посторонним лицам, даже болящим для молитвы и исцелений, окружил его кельи стрельцами, а в своем донесении в Москву от 18 апреля, описывая подробно эти кельи, сообщал, что для охраны их присланных с ним стрельцов весьма недостаточно.⁹¹

Если Никон и жил в новых кельях, то очень недолго - осень, зиму, весну 1675-1676 гг. 15 мая 1676 г. в Москве по настоянию патриарха Иоакима (с июля 1674 г.) по делу Никона снова был созван собор. В длинном соборном указе наряду с перечислением многочисленных вин престарелого (Никону в этом году исполнился 71 год) экспатриарха значилось: «... присудиша из того Ферапонтова монастыря вывести ево в Кирилов монастырь для того, что он жил в том Ферапонтове монастыре своевольн в небрежении о душе своей. А в Кирилове монастыре жити ему безисходно; аще и не хотящу ему своего спасения, обаче держати к нему, Никону, великое призрение прилежно ко обращению к покаянию; а на злые дела и коварства ево не попускати. А пищею и одеждою ево довольствовать изобилно, токмо того берещи, да не дерхает паки тояжде творити, яже о нем известия выше сего ...»⁹²

4 июня с подробным наказом о том, как поступить с Никоном, прибыли в Ферапонтов архимандрит Чудова монастыря Павел и думный дворянин Иван Афанасьевич Желябужский. Как начиналась жизнь Никона в Ферапонтове монастыре, так она и заканчивалась - как и 10 лет назад его вызвали в собор, где он «со смирением, безо всякого прекословия» выслушал указ. В этот же день патриарх Никон был перевезен в Кириллов монастырь, где ему суждено было прожить еще пять тюремных лет в полном одиночестве - близких людей рядом ему держать не разрешили.⁹³

Возвратившись в этот же день в Ферапонтов монастырь, архимандрит Павел и Желябужский произвели описи имущества Никона, церковной утвари. В описях этих, очень подробных, перечислено буквально всё - от «яблок в патоке» до хлебных запасов в амбарах, от многочисленных грядок с луком и другими огородными овощами (даже таким экзотическим как дыня) и ягодных кустарников на трех огородах Никона до одежды, келейной утвари, съестных запасов, церковной утвари в ц. Богоявления, лошадей и скотины, принадлежавшей Никону. Так. В закромах осталось «всякого хлеба, ржи и ярового, сухова и молотово, четыреста осмьдесят четей», на скотном дворе - 29 коров, быков и телят, козел и три козы с козлятами, на конюшне - 8 лошадей. Всё это было передано за небольшим исключением в Кириллов монастырь.⁹⁴

О передаче Ферапонтову монастырю утвари надвратной церкви, подаренной Никону Алексеем Михайловичем, начальство его несколько раз подавало челобитные, ссылаясь на издержки, понесенные монастырем.⁹⁵ Но, судя по описи Ферапонтова монастыря 1680 г., утварь эта также была вывезена. Оставлено лишь «евангелие печатное вдсть, обложено бархатом зеленым, евангелисты серебряные, позолочены».⁹⁶

Из имущества Никона, которым он владел в Ферапонтовом монастыре (один перечень его занимает несколько листов) и переданного в монастырскую казну Кириллова монастыря, ему было выдано лишь три книги - библия и две псалтири, одежда, три подушки, пуховик, часы столовые с ключом, стул, мелкая домашняя утварь (подсвечники, жирники, шандан, ящик с восковыми свечами), столовые принадлежности (братина резная, чарка и тарелка серебряные, солонка медная, ножик, ложки, тарелки оловянные, перечная меленка) и коробочка от очков.⁹⁷

Описания убранства келий Никона, к сожалению, никто не составил. О нем мы можем судить только по вышеупомянутому перечню вещей Никона. Здесь перечислены 11 разных «Божия милосердия образов - Деисус, Спас на престоле, Благовещение, Рождество Богородицы, Распятие, Корнилий Комельский, Павел Обнорский, Дмитрий и Игнатий Прилуцкие»; 55 книг - богослужебные, минейные, пролог, сочинения Григория Богослова, Василия Великого, Исаака Сирина, «книжица в коже, на греческом языке, в четверть»; мебель - стол дубовый, два кресла с налойчивом кожаным, стул кожаный, зеркало, часы столовые, два налож кожаных шатровых, налож стенной кожаный, два налож кожаных; умывальные принадлежности - рукомойник серебряный, золоченый местами, таз медный; постельные принадлежности - тюшак, пуховик под братским сукном, одеяло беличье под бумазеею, одеяло половина песцовая, другая лисья под бумазеею же, подушки, пологи полотняные; другие различные домашние предметы - сундук большой, окован, с внутренним замком, коврик маленький, два войлока подножных, мешочек, чем угли дуют, косарь, чем лучину щипят, щипец медный, молоток да ножницы, ноженки маленькие, паяльник да утюг, медные шанданы; столовые приборы - кунган чеканный, кунган медный, ендовка медная, три кувшина немецких, три кувшина веницианских, три чашки веницианские же, блюдце венецианское же небольшое, четыре чаши медных, братина медная, две солонки серебряные, кунган серебряный белый, решетка у носка, да на крышке наверху позолочено, горшочек маленький серебряный с крышкой, двадцать восемь ножей, два ножа рыбных, вилки, пять достаканцев да рюмка, стеклянные, сорок шесть пузырьков скляничных, скляница, перечница медная, дюжина стаканов, четыре чашки да пять стаканов средних, шесть блюд больших и малых, пять тарелок, солонка с перечницею да солонка малая, все оловянные; разное - ларчик с мелочью в нем, двое очков, одни в медном нагалице, коробочка для очков, две чернильницы медные без трубок, чернильница оловянная. Оружие - пищаль, пара пистолей попорченных, бердыш, два рога с порохом, кувшин скляничный с порохом. Кухонная утварь - котлы, противни, горшки, сковороды, коровайник, блюда и кружки оловянные, косяк, четвертина, терочка

белого железа, ножи. Платье - кафтаны, шубы, свитки, различные ткани. Обувь, хозяйственные мелкие принадлежности, съестные припасы. Судя по перечисленному, быт Никона в Ферапонтовом монастыре был обставлен чрезвычайно скромно.

Судьба же новых келий Никона, как и судьба их знаменитого заточника имеет тот же печальный конец. Еще до отъезда Никона в наказе патриарха Иоакима от 16 мая их предполагалось разобрать, а не приспособить для братии монастыря: «... а кельи все велеть, укрепя, запечатать и осмотреть, можно ль их разобрать порознь и построить где в монастыре же кельи ...»⁹⁸ Уж очень, видимо, ненавистен был патриарху Иоакиму его бывший благодетель - память о Никоне в Ферапонтове должна была исчезнуть. Основываясь на этом распоряжении, игумен Афанасий в челобитной в октябре 1676 г. просит: «... И кельи Никона монаха вели, государь, нам разобрать на монастырское строение, на брацкия кельи».⁹⁹ Скорее всего, это и было сделано, так как через четыре года, в 1680 г., в монастыре стояли «древяного строения тарого и нового дватцать две кельи с сенми и со всяким строением келейным»¹⁰⁰ вместо числившихся по переписной книге 1665 г. «древяного строения четырнатцати келей с теплыми сенми и засенцами и со всем строением».¹⁰⁰⁰ Учитывая бедность монастыря и последствия пожара 1666 г., надо думать, что новые восемь келий появились здесь из разобранных келий Никона.

Память о Никоне должна была исчезнуть теперь окончательно. Но через сто лет в подробной описи Ферапонтова монастыря, составленной в 1775 г., мы встречаем такое описание: «... № 8. По левую сторону Святых врат большие каменные полаты, в которых жительство имел святейший Никон патриарх московский и всея Росии. В ней стенное писание пустынных жителей. Из оных полат четыре окна без оконниц. Под теми полатами погреба. Оные полаты покрыты тесом сосновым под гвоздь со скалами. Показанное строение весьма ветхо местами и кирпич валитца».¹⁰¹ А в приходо-расходной книге Ферапонтова монастыря этого же года помещена такая запись: «... 1775г. 24 апреля. Выдано по договорному письму ... за покрышку вместо обветшалой над каменной никоновской палатою кровли тесовой новой под гвоздь со скалами ...»¹⁰² Позже, в 1815 г., архимандрит Амвросий в «Истории российской иерархии» в справке о Ферапонтовом монастыре, видимо, основываясь на поздних описях, пишет: «... 8) по левую сторону Святых ворот большие каменные полаты, в которых жительство имел Никон патриарх московский, сосланный туда на заточение. В них стены росписаны изображениями пустынных жителей».¹⁰³ В описи 1747 г. встречаем следующее: «... На монастыре три погреба каменные с сушилами, да полатка каменная ж, в ней писаны лица святых стенным письмом ... да промеж Святыми воротами и каменными погребами вновь зделанные в прошлом 1738 году деревянные игуменские четыре кельи с сенями и чуланами, в том числе, вышеписанная другая каменная келья, в них дватцать окон красных с оконницами, слюдяные на железе, а строены оные кельи того монастыря вотчинными крестьяны».¹⁰⁴ Значит, по крайней мере, часть келий Никона еще существовала в монастыре в XVIII в.

Попытаемся на основе имеющихся у нас документов определить, где точно были кельи Никона и когда их окончательно разобрали. В 1676 г. в монастыре имелись с северной стороны «в монастырской стене на большой дороге, а не в ограде»¹⁰⁵ надстроенные четырьмя светлицами с летними братскими покоями над ними старые пять келий постройки 1668 г. «Под одну кровлю со всеми кельями вровень» Кирилловым же монастырем была построена «келья с сенми рублеными, 5 сажен, под нею погреб, сверх кельи и сеней 2 житья летних брацких покоев». В ряду с кельями, выстроенными Кирилловым монастырем, также «под одну кровлю», но одной стороной примыкая к монастырской поварне, Спасо-Прилуцким и другими вологодскими монастырями была построена келья, «под нею погреб, на келье ж брацкой чулан». Все это трехэтажное строение с восточной стороны примыкало к надстроенной третьим деревянным этажом

каменной палате. Дополнительные сведения о величине и характере «не по монастырскому чину» возведенной постройки дает описание келий, сделанное Одогуровым: «... кельи многие, житей с дватцать пять; а из тех келей поделаны сходы и всходы и окна большие в монастырь и за монастырь. А живут в тех кельях всяких чинов люди человек с десять. Да у него же сделаны переходы по монастырской стене, через сушильные полаты, к церквам, что на Святых воротах, на тридцати саженьях; а по тем переходам поделаны окна большие же на монастырь и за монастырь. А стрельцов с ним послано мало; и в таком великом месте караулов теми стрельцы обнять немочно».¹⁰⁶

Упоминаемые здесь «сушильные полаты» существовали в монастыре, видимо, с XVI в. Расположены они были над каменными погребями с южной стороны. С северной стороны над ними располагалась «гоственная каменная полата».¹⁰⁷ Именно её приспособлял для себя Шайсунов в 1671 г. для «государевых дел». Описная книга Ферапонтова монастыря 1767 г. уточняет их расположение: «... два погреба, над одним полата, а над другим сушило, весьма ветхие».¹⁰⁸ Можно предположить, что в этих помещениях могли разместиться человек 25, это примерно то количество людей, которые были нужны Никону для obsługi.¹⁰⁹

Таким образом, кельи Никона представляли трехэтажный комплекс построек, как каменных, уже имевшихся в монастыре, так и новых деревянных, к ним пристроенных. Основой его была «гоственная каменная полата», от которой на уровне дворового этажа и шли переходы к надвратным церквам.

К 1680 г. все деревянные пристройки были разобраны и переделаны на братские кельи. Трудно сказать что-либо определенное о росписях каменной кельи Никона. Если судить по их подбору, они вполне могли появиться и при Никоне - вспомним, что он просил прислать к нему иконописцев, а в его кельях были иконы с изображениями основателей северных монастырей.¹¹⁰ В 1738 г. между Святими воротами и каменными погребями в ряд заново строятся четыре игуменские кельи с сенями и чуланами.¹¹¹ Над ними до 1763 г. возводятся еще пять деревянных келий.¹¹² К концу XVIII в. все каменные хозяйственные постройки монастыря были в полуразрушенном состоянии, в том числе, и «гоственная полата».¹¹³ В середине XIX в. этих построек в монастыре уже не было, а к Святим воротам с северной стороны вместо стены, по направлению большой дороги, «примыкал небольшой деревянный корпус, перестроенный из древних настоятельских высоких келий и служащий ныне богадельнею». В северо-западной же части монастыря «у самой ограды недавно находились каменные развалины пещеры, осененной молодыми березами, где, с согласия настоятеля, иногда уединялся заточенный Никон для молитвы и размышления».¹¹⁴ Так что кельи Никона уже превратились в пещеры. Ныне же и этого не увидишь на территории бывшего монастыря.

Примечания

¹ Бриллиантов И. И. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со времени основания. 1398-1898. С приложением очерка «Патриарх Никон в заточении на Белозере». СПб., 1899.

² Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 г. М., 1850; Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855; Толстой М. В. Путевые письма с Севера. М., 1868; Шереметьев П. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902.

³ «... память изгнанника хранится еще здесь, но не только келлии его не уцелели, а даже и место, которое занимали они, предмет спорный. Сторож, довольно ветхий, указал на них с правой стороны от входа в ворота. Но священник, отец Арсений, весьма гостеприимный и образованный, сказал, что тут были кельи настоятельские, а каменные палаты Никоновы находились налево (Шевырев С. П. Поездка ... С. 103).

⁴ «... Направо от крыльца надворотной церкви простирается к востоку соединенный с нею низменный каменный дом, весьма старинный, с тремя небольшими окнами продолговатыми и вверху полукруглыми. В этом-то мрачном доме жил, под строгим надзором патриарх Никон ... За упомянутой каменной стеной, в северо-западной части монастыря, у самой ограды монастырской, недавно находились каменные развалины пещеры, осененной молодыми березами, где, с согласия настоятеля, иногда уединялся заточенный Никон, для молитвы и размышления» (Макарий, арх. (Миролюбов). Описание Ферапонтовской волости. СПб., 1854. С. 11).

«... первые кельи Никона были на северной стороне монастыря за пределами нынешней ограды. Что же касается вторых келий Никона, оконченных постройкою в 1675 году, то нельзя сказать с уверенностью, где они были ... Достоверно известно только то, что кельи Никона находились не ближе 30 сажен от Святых ворот» (Бриллиантов И. И. Ферапонтов ... С. 116).

«... Мы любопытствовали узнать, где келья патриарха Никона? Но нам сказали, что она не сохранилась и, где была, неизвестно» (Шереметьев П. Зимняя ... С. 42).

Удивительно, что ни один из описателей не отметил росписи собора - её просто не замечали, хотя и восхищались древними иконами, имевшимися в соборе: «... Но везде видно запустение, кроме храмов, из которых холодный в особенности замечателен своим древним иконостасом» (Шевырев С. П. Поездка ... С. 103).

⁴ Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. №№ 76, 77. С. 312-314; Николаевский П. Ф. Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на московском соборе 1666 г. // Христианское чтение. 1886. №№ 1-2, 3-4, 5-6. С. 55.

Никон был доставлен в Ферапонтов монастырь всего за 6 суток. Так ездили «на спех» все царские гонцы из Москвы в Ферапонтов монастырь.

⁵ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 50: «Еще же завещаю при нем быть честному мужу дворянину с малым числом людей служилых, всякого опаства ради, дабы к нему и от него мятежным писанием не исходити».

⁶ Дело ... № 74. С. 310. Из соборного наказа архимандриту Иосифу от 13 декабря 1666 г.: «Ехати ему с монахом Никоном, что был московский патриарх, в Ферапонтов монастырь, что на Белеозере, и быть там с ним, монахом Никоном, по указу. И дорогою ему, архимандриту, беречь, чтоб он, монах Никон, писем никаких не писал и никуда не посылал, такоже и в монастыре. Да и того беречь накрепко, чтоб ему, Никону, никакова оскорбления никто не чинил ...»

Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 50: быть при Никоне «благоискусному мужу архимандриту опасения ради, да не дерзнет кто от безчинных ругаться ему и обиду творити, он же сам впредь да не дерзнет коварств каких составлять».

⁷ Дело ... № 77. С. 313; Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 52.

⁸ Дело ... № 77. С. 313; Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 55.

⁹ Дело ... № 77. С. 411. Челобитная Ферапонтова монастыря строителя Исаии от августа 1676 г.: «... выгорел в прошлом во 175 году». В отписке игумена Афанасия, написанной в декабре 1715 года, тоже говорится о пожаре (см. прим. 10). Значит, он произошел между 1 сентября и 21 декабря 1715 (1666) г. - между началом года и днем приезда Никона.

¹⁰ Дело ... № 76. С. 312.

¹¹ Там же. № 110. С. 411.

¹² ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Ед. хр. 40. Переписная книга Ферапонтова монастыря 1665 г.

¹³ По описи 1665 г. числилось вотчинных крестьян и бобылей 270 человек.

¹⁴ Дело ... № 76. С. 312.

¹⁵ Там же. № 74. С. 311.

¹⁶ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 59.

Потом, в 1673 г., в письме от 15 марта Никон, жалуясь на пристава Аггея Шепелева, писал царю: «... он, везя меня, многие напасти мне делал, и привезши посадил меня в больничные кельишки, и я в них с угару и нужды едва не умер» (там же).

¹⁷ Бриллиантов И. И. Ферапонтов ... С. 140; ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Ед. хр. 1663. Л. 132. Переписная книга Ферапонтова монастыря 1747 г.; РНБ ОР. Ф. 555. Оп. IV. Ед. хр. 753. №№ 14-20. Переписная книга Ферапонтова монастыря 1775 г.

¹⁸ ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 49, 56.

¹⁹ ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 69. Переписная книга Ферапонтова монастыря 1680 г.: «... деревянного строения на монастыре старого и нового дватцать две кельи с сенми и со всяким строением келейным».

²⁰ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 60-61; Дело ... № 81. С. 317.

²¹ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 61. Письмо Никона к царю в марте 1673 г.

²² Никон, вероятно, рассчитывал хоть через них иметь какое-то общение с внешним миром. Об этом писал вселенским патриархам на Москву 27 декабря 1666 г. архимандрит Иосиф: «... А говорит монах Никон, чтоб тех старцов и бельцов пускать по воле, куды они похотят идти или ехать, и воли б у них не отымливать. А я, богомолец ваш, тех старцов бельцов, по воли, и иных ходящих к нему, без вашего указу пущать не смею. И о том мне, богомольцу своему, что вы, государи, укажете?» (см.: Дело ... № 77. С. 314).

²³ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 62. Это лишний раз подтверждает, что первые кельи Никона, больничные, находились в северной половине монастыря, так как дорога на Каргополь проходила перед западной его стороной.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 74.

²⁶ Там же. С. 62-63. Письмо Никона к цирю в марте 1673 г.

²⁷ Там же. С. 63.

²⁸ Там же. С. 64.

²⁹ Варлаам, архим. О пребывании патриарха Никона в заточении в Ферапонтове и Кириллове Белозерских монастырях, по актам последнего, и описание сих актов // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1858. Кн. 3 (июль-сентябрь). С. 137-141; 150-158; Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 65.

³⁰ Варлаам, архим. О пребывании ... С. 151. 7 февраля 1668 г. Никон просит «6 братских подушек», 1 марта - «манатей или сукон» для шести человек.

³¹ Там же. С. 150. Так начал Никон роспись ему необходимого от 7 февраля.

³² В отписке Кириллову монастырю от 23 января 1668 г. пристав Наумов велит прислать для старца Никона медных «судов»: противень в 1,5 ведра луженый, противень в 1 ведро луженый, два противня поменьше ведра, две сковородки черные по полуведру, «веко» пирожное лужено, 6 сковородок луженых, «что на стол ставят», двои судки, 6 блюд белых «средней руки», две солоницы, две скатерти «добрых», две скатерти «расхожих». 7 февраля Никон прислал Наумову на «монастырский двор» роспись, что ему надобно в келью. В ней наряду с книгами перечисляются «крест воздвизальный, шестеры деисусы келейные, чему поклоняться братии, паникадило келейное о шести перах, шесть подсвечников, что пред образом свечи ставят, кадильница медная добрая, ладоница добрая, оловянный в ведро, два оловянных по полуведру, рукомойник медный в ведро, три братины медных братских, яндова медная в ведро, ковш разливальной медной, дюжина достаканов медных, два свещника медных, в чем масло и сало горит, шесть ковров лавочных, тюшак, подушка, одеяло, шесть подушек братских». 16 февраля Никон велит прислать ему «в новые его кельи стол». 1 марта - «стол доброй, ножницы мастерския да утюг доброй» (см.: Варлаам арх. О пребывании ... С. 150-151).

³³ Варлаам арх. О пребывании ... С. 151. Кельи никона состояли из пяти помещений (см.: РГАДА. Ф. 27. Д. 140а, ч. 4. Л. 2) и «стояли в монастырской стене на большой дороге, а не в ограде» (см.: РГАДА. Ф. 27. Д. 140а, ч. 1. Л. 115).

³⁴ Там же. С. 150; Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 65-66.

³⁵ Там же. С. 68, 70, 93, 380-381.

³⁶ Там же. С. 384.

³⁷ Там же. С. 69.

³⁸ Там же. С. 67, 72; Варлаам арх. О пребывании ... С. 133, 150-152.

³⁹ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 383.

⁴⁰ Там же. С. 71.

⁴¹ Там же. С. 72-75.

⁴² Варлаам арх. О пребывании ... С. 132, 154 (28 февраля 1669 г., между прочим, пристав Наумов дает знать, что по «указу великаго государя на его, великаго государя, караул присланы вновь московские стрельцы»).

⁴³ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 74; Дело ... № 94. С. 345.

⁴⁴ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 75-76.

⁴⁵ Там же. С. 74; Варлаам арх. О пребывании ... С. 154.

⁴⁶ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 80.

⁴⁷ Варлаам арх. О пребывании ... С. 148, 156.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 27. Д. 140а, ч. 4. Л. 264-290.

⁴⁹ СПБОИИ. Ф. 189. Оп. 1. Ед. хр. 16, 17, 18, 22, 23, 25, 91; Акты П. М. Строева. СПб., 1908. №. 646. С. 270.

⁵⁰ СПБОИИ. Ф. 189. Оп. 1. Ед. хр. 33, 36, 37.

⁵¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI (Т. 11-12). С. 275-277; Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 82-83.

⁵² Там же. С. 83-87.

⁵³ Там же. С. 88-90.

⁵⁴ Там же. С. 89-92.

⁵⁵ Там же. С. 92; Варлаам арх. О пребывании ... С. 136, 157-158, 160, 161.

⁵⁶ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 92-93, 383.

⁵⁷ Там же. С. 92-94; Варлаам арх. О пребывании ... С. 132, 145,

⁵⁸ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 98.

⁵⁹ Там же. С. 94-95.

⁶⁰ Там же. С. 95-96.

⁶¹ Там же. С. 96-97; Варлаам арх. О пребывании ... С. 157-162,

⁶² Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 97.

⁶³ Там же. С. 98.

⁶⁴ В 1715 г. в переписной книге Ферапонтова монастыря упоминались «а по обе стороны Святых врат две кельи каменные, а в них живут будинник и пономарь просвиры печет» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 450. Л. 100).

⁶⁵ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 98-99.

⁶⁶ Там же. С. 99-101.

⁶⁷ Там же. С. 381-382.

⁶⁸ Там же. С. 101-104. В ноябре 1673 г. Лопухин производил дополнительный розыск в Ферапонтове о ложных записях расходов на содержание патриарха, данных бежавшим игуменом, и о хлебных запасах, которые были оставлены здесь при проезде Никона с мощами святителя Филиппа. Ферапонтовские старцы - казначей Иона, Козьма, Митрофан, Власий, Исаия на допросе 26 ноября заявили: «... с прошлого 175 года по 181 (1666-1673) игумен Афанасий написал книгу о дачах запасов на монаха Никона и послал к великому государю к Москве с стряпчим Козьмою Лопухиным ложно, без нашего братского ведома. А к Никону с 175 года, как был привезен, монастырских запасов или каких харчей про ево обиход не имывано, а для работников, живших у Никона, брали в день из братского хлеба по хлебу и по полухлебу; а овощу из наших огородов никаких про ево обиход не имывано, а которые запасы у Никона оставались за обиходом, и те запасы отдавал он нам в трапезу на братью; а как он шел из Соловецкаго монастыря и какие запасы в Ферапонтовом оставил, тому записки у них нем» (см.: Там же. С. 109-110).

⁶⁹ Там же. С. 105-106. В синодике Ферапонтова монастыря, начатом в 1641 г. на л. 18 об. имеется запись рода Никона для поминания в Ферапонтовом монастыре: «Род святейшаго патриарха Никона. Василия, Иоанна, Мину монаху, Макрину, Мариамию, Марину, Алексия младенца, Марию младенца, Вассу младенца, Григория младенца, Никифора младенца, Симеона младенца, Агафию младенца, Анну младенца» (см.: РНБ ОР, НСРК, Г. 103.1947).

⁷⁰ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 106.

⁷¹ Там же. С. 107. Относительно запасов, которые должны были теперь поставляться Никону, он написал: «Мы, с Кузьмою Лопухиным поговоря, каких запасов преизлишно написано в росписи, и мы тех убавили, а каких не написано, и мы приписали, а чаять молва будет велика в монастырях о тех запасах; что и в прошлых годах велено давать, и они давали малые запасы, и то с великими брюзгами, и в выписи писали впятеро и вдсятеро и во сто и тысячными числами, оболгали тебе, великому государю, меня; а по твоей росписи многих запасов в здешних странах не водится. Пожалуй меня, вели Крестного монастыря властям присылать про мой обиход рыбы, семги и сижков». Вместо назначенного в росписи количества Никон написал: 10 ведр малины на мед, 5 ведр вишен на мед, 30 ведр уксусу, 20 пуд икры, 175 язей и шук, 100 пучков вязиги, 10 осетров, 2000 кочней капусты, 20 ведр огорцов, 3 ведра рыжиков, 40 ведр масла конопляного, 3 ведра масла орехового, 30 пуд масла коровья, 30 ведр сметаны, 5000 яиц, 20 пуд сыров, 200 лимонов, 2 ч. луку, 8 ч. чесноку, 5 ч. свеклы, 1 ч. хрену, 8 ч. грибов, 10 ч. круп гречневых, 1 ч. проса, 10 ч. толокна, 500 карасей ушных, 6 ч. гороху, 500 редек, прибавил: 4 пуда воску, пол пуда ладану, 1 пуд семги, 6 ч. снетков, 20 пуд хмелю, 150 судаков и язей, 500 свеч сальных (см.: Соловьев С. М. История ... С. 342-343).

⁷² «... потому меньше ссоры будет, да и поговорить Козьме от себя, какая ему (Никону) будет в том прибыль, что лишняя дела его будут известны разным людям и в государстве

молва безпрестанная будет, потому что всякие люди мимо кельи его станут ездить и станут сказывать небывалые речи; а Шайсупову сказать, чтоб он не слушал Никона в той дороге» (см.; Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 108; Соловьев С. М. История ... С. 342).

⁷³ «... да против ево ж монаха Никона письма Козьме Лопухину в наказ не написано: о строении келей его у церкви Богоявления Господня на Святых воротах, о присылке ему книг и утвар, об отдаче ему из Воскресенского монастыря келейной его рухляди ...» (см.; Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 109).

⁷⁴ Там же. С. 380-381.

⁷⁵ СПбОИИ. Ф. 189. Оп. 1. Ед. хр. 109, 142, 163-166, 169-171, 183, 201, 202.

⁷⁶ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 381; РГАДА. Ф. 27. Д. 140а, ч. 4. Ед. хр. I. Л.1-7.

⁷⁷ Соловьев С. М. История ... С. 279.

⁷⁸ Там же. С. 341; Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 387.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 27. Д. 140а, ч. 4. Ед. хр. II, XVIII.

⁸⁰ Там же. Ед. хр.

⁸¹ Там же. Ед. хр. X. Л. 105.

⁸² Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 388-389.

⁸³ Там же. С. 389, 392-393; Соловьев С. М. История ... С. 341-342.

⁸⁴ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 289, 393-394.

⁸⁵ Варлаам арх. О пребывании ... С. 142, 167.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 27. Д. 140а, ч. 4. Ед. хр. XXII.

⁸⁷ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 393.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 27. Д. 140а, ч. 4. Ед. хр. XXVI.

⁸⁹ Там же. Ед. хр. XXVII; Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 297; Соловьев С. М. История ... С. 343.

⁹⁰ Там же. С. 344; Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 399.

⁹¹ Там же. С. 400, 402; Дело ... № 94. С. 349-350.

⁹² Там же. С. 354.

⁹³ Там же. № 100. С. 369, 374-376; № 95. С. 361-362; № 94. С. 358-360.

⁹⁴ Там же. № 94. С. 357-361; № 100. С. 375-376; № 101. С. 378; № 113. С. 419; № 111. С. 413; № 105. С. 386-404.

⁹⁵ Там же. № 112. С. 415-418.

⁹⁶ ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 26 об. Переписная книга Ферапонтова монастыря 1680 г.: «... да вновь в прибыли (по сравнению с описями 1665 и 1673 гг.) в той церкви в олтаре на престоле жалования великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца евангелие печатное вдесять обложено бархатом зеленым, евангелисты серебряные позолочены».

⁹⁷ Дело ... № 105. С. 386-404; № 106. С. 404-405.

⁹⁸ Там же. № 105. С. 386-404; № 94. С. 361.

⁹⁹ Там же. № 105. С. 417.

¹⁰⁰ См. прим. 18.

¹⁰¹ РНБ ОР. Ф. 555. Оп. IV. Ед. хр. 753. № 8.

¹⁰² РГАДА. Ф. 280. Оп. 11. № 439. Л. 4 об.

¹⁰³ Амвросий (Орнатский) архим. История Российской иерархии. М., 1815. Т. VI. Ч. 2. С. 854.

¹⁰⁴ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 1663. Л. 132.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 27. Д. 140а, ч. 1. Л. 115.

¹⁰⁶ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 388-389; Дело ... № 109. С. 408-409; № 94. С. 349-350.

¹⁰⁷ ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Ед. хр. 40.

¹⁰⁸ РГБ ОР. Ф. 209. Ед. хр. 501. Л. 2 об.

¹⁰⁹ Николаевский П. Ф. Жизнь ... С. 383.

Шайсулов писал: «... И ныне, 27 июня 1674 года, Никон прислал ко мне роспись людям, которые у него живут, а в ней написано: ферапонтовских в кельи служба да подъячий, да дьячек крестовой, и работников в кельи ж и по службам, кроме кирилловского служки и повара и конюха, 22 человека, и сверх того указа в келью и по службам берет он иных собою; он просил меня вместо тех ферапонтовских людей взять к нему людей из белозерских и вологодских монастырей ...»

¹¹⁰ Там же. С. 393-394; см. С. 27.

¹¹¹ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 1663. Л. 132.

¹¹² РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Ед. хр. 746. Л. 2.

¹¹³ РГИА. Ф. 796. № 394. Доношение митрополита Гавриила от 28 декабря 1790 г.: «... в погребах своды обваливаются, в кладовых, в поварне и хлебне пали и стены разселись ...»

¹¹⁴ Макарий, арх. Описание ... С. 10-11.